Г. В. Дашков*

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье поставлена задача применительно к Российской Федерации рассмотреть фактически пробельные в правовой науке вопросы криминологической компаративистики. Проблема эта важна не только для России. Она интернациональна по своей сути. Так уж устроен современный мир, что носители положительного опыта в борьбе с преступностью и его рецепторы одинаково заинтересованы в том, чтобы все лучшее в этой части как можно быстрее стало всеобщим достоянием. Эта бескорыстная (в отличие от техники) заинтересованность объясняется прежде всего тем, что сейчас, в период высокоразвитых технологий и сверхмобильности, у преступников разных стран и континентов практически нет препятствий для взаимосовершенствования их преступной деятельности. Что же касается нерешенных вопросов теории и практики надлежащего обеспечения международного сотрудничества, то их, в отличие от сферы преступного взаимодействия, великое множество. С учетом названных концептуальных положений и было определено содержание статьи. В частности, были обозначены теоретические предпосылки восприятия зарубежного опыта борьбы с преступностью, названы первоочередные направления использования в России зарубежного опыта предупреждения отдельных видов преступлений. Данные задачи решались как в современном, так и в историческом аспекте, путем криминологического обращения к неоправданно находящимся на задворках правовой науки классическим источникам, таким, например, как Великая Яса Чингисхана, указы Петра I, финансовое законодательство США, разработанное с целью выхода из Великой депрессии.

Авторские соображения на этот счет аргументированы сложившейся практикой, закреплённой в международных документах и национальном законодательстве сотрудничающих стран. Использовались также результаты совместных с зарубежными коллегами научных исследований и разработок, наш опыт работы в руководящих органах Международной ассоциации уголовного права (МАУП) и Международного криминологического общества (МКО).

Ключевые слова: криминологическая компаративистика, противодействие преступности, креативные наказания, фильтрация зарубежного опыта, формирование коллективного опыта, международный опыт противодействия преступности.

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.142.9.054-067

© Дашков Г. В., 2018

* Дашков Геннадий Владимирович, доктор юридических наук, профессор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки Российской Федерации

profdashkov@gmail.com

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Один из основателей современной науки сравнительного правоведения¹ Рене Давид неоднократно подчеркивал, что сегодняшний мир характеризуется взаимосвязями народов, солидарностью, объединяющей человечество. Мир стал един. Мы не можем отгородиться от людей, которые живут в других государствах, других частях земного шара. Необходимое международное взаимодействие, во всяком случае — простое существование, требует, чтобы мы открыли наши окна и посмотрели на зарубежное право². Эта теоретическая посылка классика корпоративного права вытекает из всей истории развития человечества. В самом деле, испокон веков известно, что любое сколь-нибудь значительное продвижение вперед практически во всех сферах жизнедеятельности, включая и вопросы борьбы с преступностью, вряд ли возможно без опоры на прошлые и нынешние достижения мировой цивилизации. При этом постоянно приходится убеждаться в нашем сегодняшнем несовершенстве и правоте великих предков, утверждавших, что любое знание относительно и нет предела совершенству. И тут весьма убедительно и современно выглядит позиция учителя Платона — Сократа, который однажды, после хвалебных высказываний в свой адрес, решил побеседовать с окружающими его людьми о том, что есть добродетель, справедливость, красота, дружба и т.п. Рассуждения простых эллинов поразили Сократа разнообразием и глубиной, и он окончательно убедился в правильности своего ранее высказанного утверждения, что, в отличие от других, знает хотя бы то, что ничего не знает (*Scio me nihil scire*). Потрясающая мудрость. И не случайно, что именно она нашла отражение в Священном Писании в той его части, где апостол Павел утверждал, что «Кто думает, что он знает что-нибудь, тот ничего еще не знает так, как должно знать». (К Коринфянам, 1.8,2).

Необходимость преемственности и взаимобогащения знаний как обязательного условия развития общества в полной мере относима не только к физике, химии, математике и другим так называемым точным наукам, но и к праву, к социологии преступности. И совершенно закономерно, что наиболее значимые положительные результаты по сдерживанию преступности были достигнуты в тех странах и регионах, где удавалось максимально эффективно использовать свой прошлый опыт, а также достижения, накопленные их ближними и дальними соседями.

Сравнительное правоведение как механизм анализа зарубежного опыта в России имеет довольно много функций³. Применительно к рассматриваемой нами проблеме использования в России зарубежного опыта борьбы с преступностью целесообразно в первую очередь выделить следующие функции сравнительного правоведения: научную, образовательную, практическую, международную унификационную⁴. Каждая из них имеет свою историческую составляющую. Ее изучение во всех отношениях всегда было, есть и будет необходимым. И тут дело не только в моде на историю и авторском желании продемонстрировать уровень своей образованности. В пользу изучения истории вопроса есть соображения и более важного свойства. На этот счет в мировой правовой науке и практике множество ярких примеров и подтверждений. Одно из наиболее впечатляющих из них — хорошо известный в мире свод законов Еке Монгол улус (Великого Монгольского государства), получивший название Великая Яса Чингисхана. Именно Темучин (имя Чингисхана) во благо отечества, желая подавить резкое сопротивление тех, для которых личная свобода и безответственность были дороже государственного порядка, провозгласил на Великом Курултае в 1206 г. ряд

¹ Сравнительное право организационно сформировалось в 1900 г., когда в Париже был проведен первый Международный конгресс сравнительного права, который ориентировал государства — участников конгресса на необходимость взаимного изучения правотворческой и правоприменительной деятельности.

² Об этих основополагающих идеях, призванных найти общее и особенное в более чем 200 национальных правовых системах, см. подробнее: *Давид Р.* Основные правовые системы современности (сравнительное право). М., 1967 ; *Он же.* Основные правовые системы современности. М., 1988 ; *Давид Р., Жоффре-Спинози К.*, Основные правовые системы современности. М., 1996.

³ См. об этом: *Оксамытний В. В.* Возникновение и эволюция сравнительного правоведения // Россия: на пути глобализации и интеграции : Научные труды Института международного права и экономики имени А. С. Грибоедова. М., 2012. С. 44—47.

⁴ См. об этом: *Саидов А. Х.* Сравнительное правоведение. М., 2003.

правовых норм и законодательных уложений для обеспечения надлежащего государственного устройства в ранее неуправляемой стране. Анализируя этот нестареющий по своей сути правовой памятник, реально повлиявший на развитие мировой юридической науки и практики⁵, с позиций криминологических потребностей России сегодняшнего дня, обратим внимание на следующие обстоятельства.

Великая Яса Чингисхана содержала описание 36 запрещенных действий⁶. Половина из них карались смертной казнью. Смертью, к примеру, наказывались даже такие «извинительные» с сегодняшних позиций качества людей, как жадность к еде. Откуда и зачем, скажет наш современник, подобная жестокость за неумеренное потребление пищи? Какой практический смысл писать об этом, тем более сейчас, в правовой и особенно в криминологической литературе XXI столетия? Положительный ответ на эти вопросы мы видим прежде всего в непреходящей мудрости Великой Ясы Чингисхана, умении ее авторов своевременно выявить болевые точки в обществе, оценить их и оперативно определить меры по нейтрализации выявленных негативных явлений. Это и было сделано Чингисханом⁷, который раньше других своих предшественников понял, что в условиях тотальной нищеты и голода любое отклонение от неписанных стандартов (норм обычного права) при потреблении пищи не выглядело таким уж безобидным и требовало сверхчеткой реакции государства во избежание взрыва недовольства со стороны бедных и голодных. Тут есть над чем задуматься и сегодня, оценивая ситуацию, когда ничтожно малое количество граждан в той или иной стране без каких-либо объективных оснований владеют достоянием всего народа. Должно ли современное государство жестко, ориентируясь на средневековую манеру, реагировать на подобного рода социальную несправедливость? Думается, что здесь есть над чем подумать.

Тем более что в числе первопричин гипертрофированного социального расслоения последних лет практически нет правовых, социальных и экономических оснований, а последствия всякого рода нововведений жульнического свойства оказываются столь серьезными, что нередко целые государства ставятся на грань национальной катастрофы. Тут достаточно сослаться на печальные события на территории современной Украины, где массовое недовольство граждан в конце 2013 г. и в последующий период, в итоге приведшее к гражданской войне, было связано главным образом с тотальной коррупцией в стране, интенсивно развивавшейся на фоне обрушения промышленного и сельскохозяйственного производства, науки, культуры и образования. Исповедующим и реализующим идеи коррупции на разных уровнях, включая высшие органы государственной власти и управления, удалось довольно быстро, с помощью nepотизма и других экономических и правовых механизмов, создать надежную систему присвоения национального достояния. Причем размеры этих присвоений, исчисляемые десятками миллиардов долларов, не идут ни в какое сравнение с казной былых шахов, ханов, царей и императоров. И казна эта к тому же не была их личным достоянием. Именно названные обстоятельства необходимо учитывать, когда мы ставим, даже на теоретическом уровне, вопросы о возможности и целесообразности сегодняшнего положительного восприятия, а не слепого, ничем не аргументированного отрицания хотя бы духа некоторых элементов средневековой системы мер борьбы с преступностью. При современной оценке жестких мер воздействия на преступников весьма важно отметить, что Яса не плод волюнтаристских качеств Великого хана, не проявление его «плохого характера» и т.п. Над этим документом, оставившим свой весьма заметный след в законодательстве многих стран, включая и Россию, работали не только

⁵ См.: Вернадский Г. В. История России. Монголы и Русь. Тверь, 1997; Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1992.

⁶ Подробнее о содержании и структуре правовых предписаний Великой Ясы Чингисхана см.: Дашков Г. В. Влияние Великой Ясы Чингисхана на развитие современной теории и практики борьбы с преступностью // Материалы международно-правовой конференции «Перспективы развития национального законодательства Республики Казахстан в свете концепции правовой политики на 2010—2020 годы». Караганда, 2010.

⁷ См.: Хоара-Даван Э. Чингисхан как полководец и его наследие // Арабески истории. Пустыня Тартари. М., 1995. Вып. 2. С. 89—90; Джувейни Алаад-дин Ата Мелик. История покорителя Вселенной // Родина. 1997. № 3—4.

монголы и даже не столько они. Решающую роль здесь сыграли китайские ученые. Приглашая именно их в «авторский коллектив», Чингисхан учитывал, что законы и постановления китайцев тверды, тонки и непеременимы. Как раз эти качества рассчитывал увидеть Чингисхан в задуманной им Ясе. Его надежды оправдались в полной мере. Главное достоинство Ясы, заслуженно получившей признание историков, писателей, юристов Европы, Азии, Америки, заключается не только в том, что там содержались четкие правовые предписания, регулирующие правовую часть жизнедеятельности Великой империи, созданной Чингисханом, но и в том, что тут так же четко, в деталях, была прописана система мер воздействия на лиц, нарушивших Ясу. Например, здесь приводится описание девяти видов пыток. Уже само ознакомление с этим описанием пыток наводило и наводит ужас на граждан, вырабатывая у них привычку не нарушать законы. Пользуясь современной терминологией, это не что иное, как общие меры борьбы с преступностью. По свидетельству одного из исследователей Великой Ясы Чингисхана, персидского историка XIII в. Джувейни, в стране достаточно быстро практически полностью была подавлена жажда обогащения за счет окружающих. Если бы какая-либо женщина поставила себе на голову поднос золота и пошла одиноко, она бы ничего не боялась, утверждал Джувейни. Предписания Ясы были обязательны для всех, включая самого Чингисхана, который был примером ее исполнения. В противном случае монголы отказали бы ему в доверии и сами вряд ли бы исполняли Ясу.

Законы, зафиксированные в Великой Ясе Чингисхана⁸, были сформулированы таким образом, что при всей их жестокости они отвечали насущным потребностям большей части населения страны и по этой причине одобрялись им. Яса для монголов была примерно тем же, что для мусульман Коран и хадисы пророка Мухаммеда, а для христиан Евангелие. Конечно, дело не только в том, что по Ясе практически любая провинность каралась смертью. Главная привлекательность Ясы, желание ее исполнять заключались в справедливости ее концепту-

альных положений. Назову в первую очередь те из них, без восприятия которых в настоящее время невозможно развитие государства. Это: возвеличивайте и уважайте чистых, непорочных, справедливых, ученых и мудрых, к каким бы людям они ни принадлежали, и осуждайте злых и несправедливых людей; любите друг друга, не совершайте прелюбодеяния, не крадите, не лжесвидетельствуете, не предавайте кого-либо, уважайте стариков и бедных; не ешьте в присутствии другого, не приглашая разделить пищу, не ешьте больше своих товарищей; уважайте мудрецов и отшельников любого племени; не превозносите одних над другими. Именно тех, кто не желал следовать указанным предписаниям, ждала неминуемая и скорая смерть.

В таком контексте «дикие законы Средневековья» выглядят не такими уж жесткими и бесчеловечными.

По ряду причин объективного и субъективного характера восприятие зарубежного опыта борьбы с преступностью в России носит выборочный, порой случайный характер.

Чтобы в какой-то мере снизить уровень очевидной ущербности этих факторов, необходимо иметь в виду следующее обстоятельство. Как правило, наиболее удачные меры борьбы с разного рода злоупотреблениями, включая и преступления, разрабатывались в сложной политической и социально-экономической ситуации, в периоды революционных по своей сути преобразований в стране. Так что известное и часто цитируемое сейчас изречение, что коней на переправе не меняют, истиной в последней инстанции не является. Об этом свидетельствуют, в частности, многочисленные, ставшие классикой, правовые источники далекого и близкого прошлого. Это, на наш взгляд, прежде всего цитируемая нами Великая Яса Чингисхана; общегерманское Уголовное уложение императора Священной Римской империи германской нации Карла V, получившее в его честь название «Каролина»; российские правовые источники (Двинская уставная грамота 1398 г., Псковская 1397 г. и Новгородская 1471 г., судные грамоты, Судебники 1497, 1550 гг. и др.). Во всех этих законах «зарубеж-

⁸ Подробнее о структуре Великой Ясы Чингисхана, ее содержании, влиянии на культуру других народов см.: Вернадский Г. В. О составе Великой Ясы Чингисхана. Брюссель, 1939; Рязановский В. А. К вопросу о влиянии монгольской культуры и монгольского права на русскую культуру и право // Вопросы истории. 1993. № 7; Дашков Г. В. Опыт прошлого в борьбе с преступностью сегодняшнего дня // Юриспруденция. 2008. № 12. С. 68—76.

ная составляющая» была весьма высока, и тут решающую роль играли не только высокое качество зарубежных законов и благоприятная практика их применения, но и личностные особенности воспринимающих этот зарубежный опыт. Например, феноменальные многоплановые способности первого российского императора Петра Алексеевича Романова позволили ему на довольно обширной зарубежной правовой базе разработать и внедрить в практику России ряд эффективных, даже с позиции сегодняшнего дня, мер борьбы с преступностью. Показательно в этой связи, что, пожалуй, впервые в российской истории своим указом от 23 августа 1713 г. Петр I установил одинаково строгую ответственность как за получение, так и за дачу взятки. Не менее примечательным в плане борьбы с преступностью белых воротничков был и указ Петра I от 17 марта 1714 г., обязывающий привлекать к ответственности чиновников за действия, которые наносят вред и причиняют убыток государству. Более того, не полагаясь на стойкую способность государственных служащих к честной работе на одном месте, Петр I не допускал длительного их нахождения на одной должности. Так что то, что сейчас называется вертикальной и горизонтальной ротацией, было законодательно закреплено 300 лет назад и успешно реализовывалось в повседневной деятельности государственного аппарата Российской империи.

Сложная политическая и социально-экономическая ситуация в стране как фактор, стимулирующий разработку высокоэффективных мер борьбы с преступностью, пригодных для восприятия и в других странах, — категория весьма устойчивая и характерна не только для далекого прошлого. Например, к разряду классических разработок в области предупреждения преступлений в сфере хозяйственной и управленческой деятельности, по нашему мнению, можно отнести законодательство США, разработанное в основе своей в рамках чрезвычайных мероприятий по выходу страны из Великой депрессии в 30—40-х гг. прошлого столетия.

В докризисный период правовая защита экономической деятельности в США была в зачаточном состоянии, и ничего особо привлекательного для других стран тут не было. Но после резонансных расследований сенатской комиссии Конгресса США, связанных с финансовой катастрофой 1929 г., был

принят ряд федеральных законов, международная значимость которых даже сегодня сомнения не вызывает. В числе подобных законов следует в первую очередь назвать: Закон США 1933 г. о ценных бумагах; Закон США 1933 г. о банках; Закон США 1934 г. об обращении ценных бумаг. Анализируя названные законы с позиции возможного восприятия в других странах содержащихся в них механизмов защиты экономики от преступных посягательств, отметим, к примеру, что в Законе США 1933 г. о ценных бумагах впервые в мировой практике была разработана система правового регулирования правоотношений, возникающих в стадии выпуска, размещения и продажи ценных бумаг. Не менее важным здесь было и то, что действия эмитента стали прозрачными для государства и всех граждан. Эмитент был вправе продавать ценные бумаги лишь после того, как Комиссия по ценным бумагам и фондовым рынкам регистрирует его заявление об этом намерении. Сама процедура регистрации заявления эмитента о намерении продать ценные бумаги предполагает тщательное изучение его кредитной истории. Это служит существенным препятствием для разного рода мошеннических действий со стороны эмитента. Более того, Законом США 1933 г. о ценных бумагах было установлено, что за любую попытку обмануть или иным образом ввести в заблуждение Федеральную комиссию по ценным бумагам и фондовым рынкам эмитент несет уголовную ответственность. В этой связи принципиально важно отметить, что американская традиция установления уголовной ответственности за совершение «отраслевых» злоупотреблений в специальных законах, а не в уголовном кодексе, довольно быстро распространяется в странах мирового сообщества. Например, доля осужденных по специальным законам в Японии в несколько раз выше числа осужденных по Уголовному кодексу. Есть основания предполагать, что подобная практика может быть воспринята и в России. Во всяком случае, уже сейчас на уровне экспертных групп в Российской Федерации этот вопрос активно обсуждается. Например, на состоявшемся в ноябре 2014 г. на базе Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) VI заседании совместного российско-германского круглого стола, посвященном проблемам уголовно-правовой борьбы в сфере российской и евро-

пейской экономики, большая часть вопросов, которые российские специалисты задавали немецким коллегам, касалась практики применения в ФРГ именно специальных законов об уголовной ответственности за преступления экономического характера.

В Законе США 1933 г. о банках наиболее привлекательным с криминологических позиций является запрет для частных банков совмещать коммерческие и инвестиционные функции. Закон запретил банкам действовать в качестве брокеров (дилеров) или иным образом на рынке ценных бумаг.

Обеспечение реального исполнения названных антикризисных законов в США во многом обеспечивается многообразием видов наказаний, применяемых к физическим и юридическим лицам. Это: порицание; штраф; исключение из состава профессиональных участников рыночных отношений; лишение свободы, причем на весьма длительные сроки. Например, использование средств телекоммуникации или почты для передачи мошеннической информации на рынке ценных бумаг считается квалифицирующим обстоятельством и наказывается тюремным заключением на срок до 5 лет. Если же мошеннические действия направлены против финансового учреждения, то виновный подвергается штрафу в размере до 1 млн долл. или тюремному заключению на срок до 30 лет или обоим видам наказания.

Впоследствии, вплоть до настоящего времени, американское законодательство периода выхода из Великой депрессии если и изменялось, то в основном в направлении увеличения жесткости санкций за те или иные злоупотребления в сферах бизнеса и финансов. Например, в законе США 1977 г. о подкупе должностных лиц за рубежом предусматривается, что виновные в совершении таких деяний подвергаются штрафу до 100 000 долл. США и (или) тюремному заключению на срок до 5 лет. Юридические лица, виновные в подобных деяниях, наказываются штрафом до 2 млн долл. Кроме того, и без того обширные дискреционные полномочия судей США имеют постоянную тенденцию к расширению.

Как объект восприятия зарубежного опыта борьбы с преступностью выступает проблема креативных видов наказания. Это фактически

пробельный в криминологической и уголовно-правовой науке вопрос, решение которого будет способствовать устранению многих недостатков системы уголовных наказаний.

В чем суть этой проблемы? Ведь вопросы о понятии, целях и видах наказания к категории малоразработанных отнести, конечно, нельзя. Положительные изменения в этой части происходят довольно интенсивно, что способствует практической реализации основных принципов современного уголовного права (законность, справедливость, гуманизм, дифференциация ответственности, индивидуализация наказания). Например, система уголовных наказаний в Российской Федерации представляет собой обязательный для суда исчерпывающий перечень видов наказания. Это: штраф; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; лишение специального права, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград; обязательные работы; исправительные работы; ограничения по воинской службе, ограничение свободы; принудительные работы; арест; содержание в дисциплинарной воинской части; лишение свободы на определенный срок; пожизненное лишение свободы; смертная казнь⁹. Нетрудно заметить, что это довольно широкий веер видов уголовного наказания, но и он подчас не позволяет достичь таких целей наказания, как восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение совершения нового преступления данным лицом и другими лицами. Что же делать в такой ситуации? Одни авторы полагают, что все общепризнанные цели уголовного наказания могут быть решены только на средневековый манер, где смертная казнь была преобладающим видом уголовного наказания. Другие считают, что остроту названной проблемы можно снять посредством более динамичного изменения видов наказаний. Третья точка зрения заключается в существенном расширении дискреционных полномочий субъектов правоприменительной деятельности, в предоставлении им возможности использовать уже имеющиеся или разрабатывать новые, креативные виды уголовного наказания. Вопрос этот к категории простых, однозначно решаемых, конечно, не относится. Он периодически обостряется или

⁹ Назначение смертной казни в России приостановлено постановлением Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 г. № 3П и его разъяснительным определением от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р.

затухает и в теории¹⁰, и на практике. Например, 4 декабря 2014 г. группа террористов проникла в город Грозный, захватила здание Дома печати и школу. При этом ими было убито 14 сотрудников правоохранительных органов и ранено около 30 человек. Террористы были уничтожены. Но рассчитывать на стопроцентный общепредупредительный успех только этой мерой, как показывает прошлый опыт, не приходится. Именно поэтому глава Чеченской Республики Рамзан Кадыров предложил сжигать дома террористов, а их семьи депортировать. Кроме того, предлагалось увольнять руководителей регионов, где будут установлены факты незаконного применения оружия их жителями. Все это креативные, в принципе, меры реагирования на факты, в той или иной степени связанные с терроризмом. Но особых элементов исключительности, неоправданной жестокости и неприятия обществом тут точно не просматривается. Вспомним хотя бы аналогичную практику времен Кавказской войны (1817—1864 гг.) или современный, никем не осуждаемый израильский опыт борьбы с терроризмом. И совершенно не случайно 75 % опрошенных по радио российских граждан одобрили креативную позицию Кадырова, а 24 % высказались против. Нейтральную позицию по этому вопросу занял только 1 % опрошенных. И тем не менее вопросы, конечно, тут есть. Поиск новых или хорошо забытых старых, непривычных для части современного общества креативных видов наказания, необходим. Прежде всего следует более обстоятельно, на серьезном научном фундаменте, опираясь на международный опыт, дать определение креативных мер наказания. В качестве отправной точки в этой части предлагаем к креативным видам наказания отнести наказания, отличающиеся оригинальностью, несоответствием общественным представлениям об уголовном наказании и в то же время являющиеся эффективным средством достижения целей уголовного наказания, определенных законом.

При решении правовых, морально-этических, организационно-управленческих и экономических проблем, связанных с возможностью применения креативных наказаний, следует

иметь в виду, что в этом отношении уже накоплен определенный и положительный, и отрицательный опыт. Например, в США, богатых своими правовыми традициями, в ряде штатов нередко используется практика креативных наказаний в отношении лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести. Так, 22-летний житель Атланты Брендон Хаф был привлечен к уголовной ответственности за то, что несколько раз, заправившись на бензоколонке, «забывал» подойти к кассе. Судья посчитал, что с учетом личностных данных подсудимого и характера совершенного деяния наиболее действенным наказанием будет креативное, а не применявшееся обычно в таких случаях «классическое» наказание. Эта креативность выразилась в том, что виновного приговорили к регулярным прогулкам вдоль дороги вблизи бензоколонки с табличкой на груди: «Я украл бензин, и это мое наказание». По мнению большинства американских граждан разного достатка и социального положения, подобного рода креативные наказания в отношении лиц, совершивших малозначительные преступления, действуют много эффективнее штрафов.

Набор деяний, по которым американское правосудие применяет, а общество приветствует применение креативных наказаний, довольно широк. Приведу несколько опубликованных в средствах массовой информации примеров из судебной практики США:

- домохозяйка Мишель Мюррей обязана была провести зимнюю ночь в лесу за то, что ранее бросила там 35 котят;
- за незаконное проникновение в чужой дом и акт дефекации на пол преступника приговорили к чистке 100 тюремных туалетов;
- несовершеннолетнюю начинающую наркоманку приговорили к 40 часам общественно полезных работ в наркологической клинике. То, что она там увидела, отбило у нее всякое желание продолжить употреблять наркотики;
- подросткам, проколовшим шины школьного автобуса, пришлось устраивать пикник ученикам младших классов.

Конкретное содержание креативных наказаний, конечно, во многом зависит от страны,

¹⁰ Не в обстановке всеобщего одобрения или отрицания мы с криминологических и уголовно-правовых позиций говорили об этом лет восемь назад. См.: *Дашков Г. В.* Креативные виды наказания как уголовно-правовая и криминологическая категория // *Наука уголовного права и совершенствование уголовного законодательства : сборник научных статей / Московский университет МВД России.* М., 2007. С. 18—21.

конкретного региона, национальных особенностей проживающих там граждан, экономических и ряда других факторов. По этому поводу самая многотиражная и авторитетная газета Российской Федерации «Комсомольская правда», проведя экспресс-опрос общественного мнения по отмеченным обстоятельствам, установила, что российские граждане в части креативных наказаний далеко не всегда солидарны с американцами. Например, на вопрос «Как бороться с воровством?» 35 % опрошенных ответили, что вор должен сидеть в тюрьме; 27 % граждан настаивают, чтобы воров показывали по ТВ и печатали их фамилии в газетах; 26 % опрошенных предлагают отрубить вора́м руки; 12 % полагают, что воров не сто́ит наказывать вообще, поскольку у нас воруют все.

По поводу цитируемой нами таблички на груди похитителя бензина из Атланты «Комсомольская правда» спросила у российских граждан о том, а какие таблички должны носить виновные в том или ином правонарушении в нашей стране? Вот лишь некоторые ответы на этот счет:

Лариса Латынина (писатель): «Боюсь, такие таблички пришлось бы повесить почти на всех россиян. На большинство водителей — “Я дал взятку гаишнику”. На пешеходов — “Я перешел дорогу в неположенном месте”. На чиновников — “Я свистнул столько-то миллиардов”».

Михаил Барщевский (адвокат): «Меня наказали за мелкую кражу».

Олег Митволь (общественный деятель): «Он загрязняет нашу природу».

Борис Немцов (политик): «Все воруют, и я ворую».

Григорий Антипенко (артист): «Осторожно — перед вами вор».

Дмитрий Пучков (переводчик): «Я продаю наркотики», «Я проститутка», «Я пользуюсь услугами проститутки».

С учетом особенностей состояния, структуры, динамики преступности в современном мире Россия имеет огромные возможности в выборе объектов восприятия зарубежного опыта. Воспринимать здесь все и сразу даже технически невозможно, да и не нужно. Тут крайне необходимо определить соответствующие приоритеты. На сегодняшний день в числе таких приоритетов выступает проблема формирования коллективного опыта в сфере борьбы с наркобизнесом и иными сопутствующими ему явлениями и процессами. В этой части ре-

шение далеко не всех имеющихся тут вопросов нужно начинать с чистого листа. Опыт отдельных стран колоссальный, и здесь нужно в первую очередь его выявить, обобщить и разработать методики и направления распространения на другие государства и регионы. Показательно также, что уникальный опыт борьбы с наркотизмом накоплен не только супердержавами, имеющими сверхразвитые медицину и право и информационные возможности для передачи этого опыта заинтересованным странам и международным организациям. Много полезного в борьбе с наркобизнесом можно почерпнуть и из других, по объективным или субъективным причинам труднодоступных источников.

В подтверждение сошлюсь, в частности, на опыт Социалистической Республики Вьетнам. В трудное для этой страны во всех отношениях послевоенное время государству удалось в кратчайшие сроки снять остроту при решении этой, казалось бы, нерешаемой задачи. Обращу внимание на ее криминологическую суть. В силу ряда причин, в основном политического и экономического свойства, к началу 1970-х гг. Вьетнам, особенно его южная часть, оказался важным звеном в цепи стран, входящих в так называемый «Золотой треугольник» (Таиланд, Лаос, Филиппины и некоторые другие страны Юго-Восточной Азии). Морской порт Сайгон стал важнейшим перевалочным пунктом наркотиков в этом регионе. Вполне естественно, что значительная часть наркотиков оказалась доступной не только для богатой американской армии, расквартированной в Южном Вьетнаме, но и для бедного коренного населения. Наркотизация местного населения приняла небывалые даже по мировым рамкам размеры. Но буквально через полгода после объединения Северного и Южного Вьетнама ситуация резко изменилась к лучшему, и вот почему. Новая власть предложила всем наркозависимым гражданам пройти курс добровольного лечения в специально созданной для этого школе социальной и медицинской реабилитации. Эффективность этой школы превзошла все ожидания. Только 15 % наркоманов, прошедших там курс лечения, вновь стали употреблять наркотики. Нигде в мире и никому таких результатов достичь ранее не удавалось. Школу ежегодно посещали до 700 иностранных делегаций из США, Великобритании, Франции и других высокоразвитых стран. Будучи советником Верховной Народной про-

куратуры Вьетнама, я также получил возможность в деталях ознакомиться с работой школы и с криминологическими позициями оценить ее работу. Вот вкратце результаты оценки этой работы¹¹.

В штате школы был один врач и несколько человек обслуживающего персонала, включая администрацию. Лечение 1 000 наркоманов включало несколько этапов. Первый этап — сугубо медицинский. В этот период наркоманы выполняли предписания врача, делали друг другу физиотерапевтические процедуры (уколы, принятие лекарств). Второй этап — воспитательный. Пациентам школы объясняли, что новой власти нужны здоровые граждане, которые будут максимально полезны и обществу, и их близким, и им самим. Стать таковыми они смогут только очень желая этого. Третий этап — восстановление утраченной в период потребления наркотиков воли. Это достигалось посредством ежедневных занятий физкультурой на открытом воздухе при сорокоградусной жаре, многочасовыми тренировками по восточным единоборствам, укрепляющим душевное и физическое равновесие. Четвертый этап — трудотерапия. Наркоманы в школе занимались не вообще физическим трудом, например, поддерживали порядок орошения на рисовых полях. Их труд в школе был не только общественно полезным, но и экономически сверхвыгодным для них делом. Например, они приготавливали пользующиеся огромным спросом в мире морские деликатесы, в частности креветочные лепешки. Это позволило каждому работающему в школе зарабатывать в несколько раз больше, чем другие граждане Вьетнама. Заработанные деньги наркоманы могли беспрепятственно направлять своим близким, которые и не мечтали о таких деньгах. Тем самым создавалась атмосфера всеобщей значимости работы наркоманов, которые ранее, кроме несчастья, семье ничего не приносили. Естественно, у большинства пациентов воспитывалось и реально укреплялось чувство собственного достоинства, убежденности в уважении их труда. По мере отвыкания от наркозависимости бывшие наркоманы имели возможность покинуть школу и вернуться к себе домой. Никаких административных и иных подобного рода препятствий им здесь не чинилось.

Спустя несколько лет мне в прежнем качестве вновь удалось побывать в школе социальной и медицинской реабилитации наркоманов недалеко от Сайгона (теперешнее название — город Хошимин).

Ситуация по ряду показателей, прежде всего показателей криминологического свойства, коренным образом изменилась к худшему. Во-первых, школа стала закрытым, строго охраняемым учреждением, с фиксируемым заранее сроком пребывания. Сам процесс лечения вроде бы остался прежним. Те же медицинские меры, та же трудотерапия, то же укрепление физического здоровья. Выпали лишь, в своем существе, идеологический и психологический рычаги воздействия на наркомана, где главный упор делался на возможность стать полноправным членом общества, получить наравне с другим работу и т.п. Реально выполнить свои социальные обязательства в этой части перед излечившимися от наркозависимости гражданами власти не смогли. Тем самым была подорвана вся система лечения, исправления и перевоспитания наркоманов.

Описанный вьетнамский опыт преодоления наркозависимости с его плюсами и минусами в основе своей выдержал испытание временем и вполне естественно, с учетом местных особенностей, был воспринят многими государствами, включая и Российскую Федерацию. Так, 20 ноября 2014 г. Федеральной службой по контролю за оборотом наркотиков (ФСKN) в Правительство Российской Федерации была представлена Программа реабилитации наркоманов и потребителей наркосодержащих средств. В этой программе, с учетом обширного зарубежного опыта, в том числе и опыта Социалистической Республики Вьетнам, были определены ряд конкретных мероприятий, имеющих целью в максимально возможных размерах сократить карательную составляющую в системе мер воздействия на наркоманов. Это весьма важно, поскольку в России ежегодно к административной и уголовной ответственности привлекается более 200 тыс. наркоманов. Как неоднократно подчеркивалось в специальных криминологических источниках, наркозависимых нужно больше отправлять на реабилитацию, чем в тюрьму. Правда, для этого необходимо существенно улучшать и количественно, и качественно материально-

¹¹ По этому вопросу см. подробнее: Дашков Г. В. Рецензия на книгу И. М. Мацкевича и З. С. Зарипова «Наркотики в России и в мире» // Lex Russica. 2010. № 2. С. 403—407.

техническое обеспечение деятельности соответствующих министерств и ведомств¹².

Традиционно актуальным направлением российского восприятия зарубежного опыта борьбы с преступностью является коррупция. Эта проблема для России не нова, и сделано тут немало полезного¹³. Во всяком случае, довольно стройная правовая система выявления, расследования и предупреждения казнокрадства, взяточничества и ряда других преступлений по службе в России сложились много ранее открытия Христофором Колумбом Америки. Но названная проблема не проявляет явной тенденции к затуханию и приобретает всё большую межгосударственную опасность. Отсюда и интенсификация усилий ООН и других международных организаций по сдерживанию преступности «белых воротничков», в частности коррупции. Принятие международным сообществом таких документов, как Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (ETS № 173) (Страсбург, 27 января 1999 г.); Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г.), во многом способствовало снятию напряжения в части противодействия коррупции в мире. Тем более что эти конвенции в основе своей имплементированы в российское законодательство. Но всего этого, как показывает практика, оказывается явно недостаточно для того, чтобы добиться сходных положительных результатов для большинства стран мирового сообщества.

Во всяком случае, проблемы в этой части для России очевидны, и тут нужны дополнительные особые меры по повышению эффективности нашего российского восприятия опыта тех стран, которые добились действительно социально значимых положительных изменений в борьбе с коррупционной преступностью. Составить строго определенный список таких стран вряд ли возможно и целесообразно. Тем не менее, руководствуясь общими принципами, выработанными в сравнительном правоведении, представляется целесообразным приоритеты в исследовании зарубежного опыта борьбы с коррупцией отдать США и Китаю. Здесь за относительно короткое время

разными средствами удалось достичь сходных положительных результатов в преодолении коррупционных проявлений в разных сферах хозяйственной и управленческой деятельности, включая правоприменительную деятельность. На последнее обстоятельство хотелось бы обратить особое внимание. В годы расцвета мафии с США, в период Великой депрессии, размеры коррупции в правоохранительной системе этой страны, особенно в полиции, не знали себе равных в мире. Знаменитый чикагский гангстер Альфредо Капоне, не опасаясь быть наказанным, публично утверждал, что вся полиция им куплена. И это была не пустая похвальба. Во всяком случае, гангстер № 1 в Америке с большим трудом был отправлен за решетку не за сотни совершенных им убийств и других тяжких преступлений, а за уклонение от уплаты налогов, которые он должен был заплатить за свой легальный бизнес в виде мелкой торговли мебелью.

С тех пор прошло по историческим меркам совсем немного времени. Если сегодня мы обратимся к криминологическому анализу лиц, совершивших коррупционные преступления в США, то здесь практически нет ни судей, ни полицейских, ни атторнеев, ни других лиц, работающих в правоохранительных органах. Как этого удалось достичь? Для России, для других стран, где правоохранительная система занимает не последние места по уровню коррупции, научно обоснованная, а не только сугубо журналистская информация на этот счет представляет значительный интерес.

Весьма важными для развития именно сегодняшней российской криминологии являются и вопросы повышения социальной активности граждан в зарубежных странах (социальный капитал). И это несмотря на то, что собственный опыт России участия граждан и общественных организаций весьма значителен и имеет давнюю историю. Например, уже в 1881 г. в России, сразу же после убийства народовольцами императора Александра II, было создано закрытое общественное объединение «Священная дружина». В его задачу входило: противодействие терроризму; выявление русских революционеров внутри страны

¹² См. об этом подробнее: *Егорова Е.* Правительство взялось за наркоманов // Московский Комсомолец. 2014. 21 ноября.

¹³ См.: *Дашков Г. В.* Криминологическая сущность коррупции и коррупционной преступности // Современные проблемы уголовной политики : материалы V Международной научно-практической конференции / Краснодарский университет МВД России. Краснодар, 2014 Т. 1. С.103—110.

и за рубежом; физическая охрана царя во время массовых мероприятий и поездок по стране; борьба с крамолой и нигилизмом.

Священная дружина как общественное объединение работала в тесном взаимодействии (тут не было старших и младших) с полицией и другими силовыми структурами Российской империи. Финансировал дружину, и довольно щедро, лично император Александр III. Никакой зарплаты и иных материальных благ никто из членов Священной дружины не получал. Единственный стимул их общественной работы — бескорыстная защита царя и Отечества. В целом Священная дружина работала оперативно и эффективно. Уже через год после ее создания она выполнила свою основную задачу. В дальнейшем ее функции по поддержанию правопорядка были возложены на новую общественную организацию — Добровольную охрану. Это была более массовая, в сравнении со Священной дружиной, и демократичная форма участия граждан в борьбе с преступностью. В Добровольную охрану принимались представители всех сословий России по упрощенной, в сравнении со Священной дружиной, процедуре. Нужны были лишь рекомендации двух действующих членов Добровольной охраны.

Управление Добровольной охраной осуществлялось министром внутренних дел России и губернаторами. Для придания большего авторитета Добровольной охране ее начальник утверждался лично императором. Основные задачи Добровольной охраны: предупреждение покушений на царя и царских особ; предотвращение массовых беспорядков. Добровольная охрана как форма участия граждан в борьбе с преступностью выдержала испытание временем и к началу Первой мировой войны, т.е. через тридцать с лишним лет после создания, ее численность составляла более 40 тыс. человек. Прекратила свое существование Добровольная охрана после Февральской революции 1917 г. вместе с другими государственными и общественными органами охраны общественного порядка.

В советский период в структуре государственных и общественных органов, обеспечивающих борьбу с преступностью, роль общественных объединений стала принципиально иной и несравненно более масштабной в сравнении с дореволюционным периодом. В задачу практически всех советских органов государственной власти и управления входило обеспечение на максимально возможном

уровне гражданской активности населения. Из числа рабочих и крестьян, советской интеллигенции по всей стране формировались тысячи разного рода общественных объединений, комиссий и комитетов помощи властям в борьбе с преступностью. Например, к судебным разбирательствам по уголовным делам в обязательном порядке привлекались общественные защитники и общественные обвинители. Многие судебные заседания проводились на предприятиях и в организациях. Были созданы институты общественных помощников следователей и прокуроров, судебных исполнителей и др. Достаточно эффективно работали добровольные общества (бригады) содействия милиции и уголовному розыску, внештатные сотрудники милиции, комсомольские отряды, общественные ревизоры, контролеры, инспекторы и др.

Самой массовой (свыше 10 млн чел.) в советский период формой участия граждан в обеспечении общественного порядка, трудовой и финансовой дисциплины были добровольные народные дружины. При всех очевидных, особенно сейчас, издержках, при наличии определенных элементов формализма и показухи в деятельности общественных объединений в советский период было много положительного, способствовавшего сдерживанию преступности и других видов противоправного поведения.

Вместе с тем, на наш взгляд, в советский период масштабы участия граждан в борьбе с преступностью были излишне велики, не имели надлежащей отдачи. Кроме того, сверхмасштабность участия граждан в борьбе с преступностью противоречила сути самого социума. Так, например, хорошо известно, что число социально пассивных граждан, особенно если речь идет о специфических сферах общественной деятельности (выявление и предупреждение преступлений), в 15—20 раз превышает численность социально активной части населения. Это довольно устойчивый и мало подверженный существенным переменам показатель. Например, еще в середине XIX в. известный русский писатель, автор знаменитого романа «Что делать?» Н. Г. Чернышевский отмечал, что нация имеет максимум 10 % активных, особо даровитых граждан. Они готовы искать, идти на риск и добиваться успеха во имя других. Остальные же социально пассивны, и их инициативы ограничиваются сугубо личными интересами. Ну как в такой ситуации можно

рассчитывать на успех всеобщего привлечения граждан в борьбе с преступностью? Невыполнимая задача. Но изменить до некоторой степени соотношение между социально активной и пассивной группами населения в лучшую для общества сторону вполне осуществимо.

Определенный положительный опыт подобного рода накоплен и в России, и в странах Евросоюза, и в США, и в Китае, и в Японии, и в ряде других стран мирового сообщества. Частично этот опыт становится доступным благодаря усилиям ООН и других региональных и национальных структур. Но этого для продвижения вперед явно недостаточно, тем более что здесь речь идет в основном только о самих документах, а не об обобщении практики их применения.

В первоначальный период становления в России рыночных отношений (90-е годы XX столетия), когда не все делалось в нужное время и соответствующим образом, институт участия граждан в борьбе с преступностью фактически перестал существовать. Но довольно быстро для всех стало очевидным, что такой волонтаристский по своей сути способ ограничения числа субъектов противодействия правонарушениям в Российской Федерации оказался по всем позициям непродуктивным. Вполне естественно, что в последние несколько лет от него стали отказываться в пользу расширения участия граждан в борьбе с преступностью. Правовая и организационно-управленческая перестройка деятельности граждан и общественных объединений в решении общегосударственных задач борьбы с преступностью в настоящее время во многом опирается на устоявшиеся в стране положительные установки и традиции. И тем не менее такой подход далеко не всегда себя оправдывает и теоретически не обеспечен. Например, несмотря на принципиально новые основания формирования и функционирования институтов гражданского общества, теоретические и практические вопросы их взаимодействия с органами государственной власти и управления пытаются и сейчас решить по старым калькам, когда общественные объединения по привычке рассматривались в качестве некоего придатка к государственным органам, осуществлявшим тотальный контроль за общественными объединениями.

Согласиться с подобной постановкой вопроса в настоящее время недопустимо, хотя бы по той причине, что до сего момента комплексная

теория сочетания общественного и государственного контроля в России отсутствует. Нет, в частности, и научно обоснованных принципов осуществления государственного контроля за деятельностью общественных объединений. Есть лишь желание управлять ими. В итоге одна взаимодействующая сторона (общественные объединения) в искреннем желании любыми средствами обеспечить правовой порядок подчас выходит за рамки правового воздействия на правонарушителей, а другая (органы государственной власти и управления) фактически на ощупь, методом проб и ошибок, в лучшем случае пытается направить общественную инициативу в нужное для всего общества русло.

На сегодняшний момент по ряду причин политического, экономического, организационно-управленческого и правового свойства вывести математическую формулу расчета приемлемого уровня воздействия государственных структур на деятельность тех или иных общественных объединений не представляется возможным. Да и в принципе подобного рода детализация в развивающемся демократическом обществе не нужна. Здесь, во избежание риска серьезно ошибиться, вполне достаточно четко руководствоваться конституционными положениями, определяющими, что «запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни» (п. 5 ст. 13 Конституции РФ). В остальном же уровень воздействия органов государственной власти и управления на деятельность общественных формирований и отдельных граждан должен быть сверхминимальным, а в лучшем случае равным нулю. При такой модели взаимодействия властных структур и общественности значительная часть факторов, обуславливающих сдерживание социальной активности граждан, потеряет свою практическую значимость. Вместе с тем достичь столь желаемого результата только путем полного отказа государства от контроля за деятельностью общественных организаций и объединений не представляется целесообразным. Как показывает практика, не просчитанные с разных позиций шаги в этом направлении

приводят к серьезным нарушениям прав и свобод граждан.

С проблемами подобного свойства приходится сталкиваться не только в России. Естественно, накапливается и определенный положительный опыт решения этих проблем. Тем не менее использование этого зарубежного опыта носит, как правило, эпизодический, точечный характер. Кроме того, заметно упала и активность разработчиков разного рода международных программ борьбы с преступностью. Подавляющее их число имеет стародавнюю историю, а «модельный ряд» тут не обновляется с необходимой интенсивностью, хотя потребность в этом есть огромная¹⁴.

Поставленные в настоящей статье вопросы, конечно, не исчерпывают всего содержания обозначенной нами проблемы. Это, скорее всего, отражение сегодняшних авторских возможностей, наша выборка приоритетов, особенности жанра публикации.

В последующем просматривается необходимость обратиться и к другим составляющим этой малоисследованной проблемы. Одна из них, к примеру, касается особенностей деятельности довольно многочисленных субъектов восприятия зарубежного опыта борьбы с преступностью. Так что известная пословица «чем дальше в лес, тем больше дров» полностью применима и к данной ситуации.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. — М., 1992.
2. Давид Р. Основные правовые системы современности (сравнительное право). — М., 1967.
3. Дашков Г. В. Креативные виды наказания как уголовно-правовая и криминологическая категория // Наука уголовного права и совершенствование уголовного законодательства : сборник научных статей / Московский университет МВД России. — М., 2007.
4. Долгова А. Н. Преступность, ее организованность и криминальное общество / Российская криминологическая ассоциация. — М., 2003.
5. Зуев С. В. Противодействие организованной преступности в России и за рубежом (общетеоретические и прикладные проблемы права). — М. : Юрлитинформ, 2013.
6. Клеймёнов И. М. Сравнительная криминология. — М. : Норма : Инфра-М, 2012.
7. Криминологические исследования в мире / под ред. Г. В. Дашкова. — М. : Манускрипт, 1995.
8. Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. — М. : Волтерс Клувер, 2005.
9. Нетле А. Социальная система и законы, ею управляющие. — М. : Либроком, 2012.
10. Саидов А. Х. Сравнительное правоведение. — М., 2003.
11. Теоретические основы предупреждения преступности на современном этапе развития российского общества / под ред. Р. В. Журбина ; Академия Генеральной прокуратуры РФ. — М. : Проспект, 2016.

Материал поступил в редакцию 22 августа 2018 г.

DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF CRIMINOLOGICAL COMPARATIVISTICS IN THE RUSSIAN FEDERATION

DASHKOV Gennady Vladimirovich — Doctor of Law, Professor of the Kutafin Moscow State Law University, Honored Scientist of the Russian Federation
profdashkov@gmail.com
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. *The article poses the task, as applied to the Russian Federation, to consider the issues of criminological comparativistics that are actually blank in the legal science. This problem is important not only for Russia. It is international in its essence. The modern world is arranged in such a way that the bearers of positive experience*

¹⁴ О нашем видении этой проблемы см.: Дашков Г. В. Развитие института участия общественных объединений в борьбе с преступностью // Проблемы детерминации и предупреждения преступности. М., 2017. С. 168—171.

in the fight against crime and its receptors are equally interested in order to make the best of this part to enter public domain as soon as possible. This altruistic interest (unlike technology) is primarily due to the fact that now, in the period of highly developed technologies and ultra-mobility, criminals from different countries and continents have practically no obstacles to the improvement of their criminal activity. As for the unresolved issues of the theory and practice of proper provision of international cooperation, there are a lot of them, in contrast to the sphere of criminal interaction. Taking into account the above conceptual provisions, the content of the article was determined. In particular, the article highlights theoretical preconditions for the perception of foreign experience in fighting against crime and the priority directions for using foreign experience in preventing specific types of crimes. The problems in question were solved both in the modern and in the historical aspects by means of a criminological reference to classical sources, such as the Great Yassa created by Genghis Khan, Peter the Great Decrees, and the US financial legislation designed to overcome the Great Depression .

The author's arguments on this account are justified by the jurisprudence enshrined in international documents and the national legislation of the cooperating countries. We also used the results of our joint scientific research carried out together with our foreign colleagues, our experience of working for the governing bodies of the International Association of Criminal Law (IAPM) and the International Criminological Society (ICE).

Keywords: *criminological comparativistics, counteraction to crime, creative punishment, filtration of foreign experience, formation of collective experience, international experience of combating crime.*

REFERENCES

1. Gumilev L.N. Drevnyaya Rus i velikaya Step [Ancient Russia and the Great Steppe]. Moscow, 1992.
2. David R. Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti (sravnitelnoe pravo) [Basic legal systems of our time (comparative law)]. Moscow, 1967.
3. Dashkov G.V. Kreativnye vidy nakazaniya kak ugovovno-pravovaya i kriminologicheskaya kategoriya [Creative punishments as a criminal-legal and criminological category]. Nauka ugovovnogo prava i sovershenstvovanie ugovovnogo zakonodatelstva : sbornik nauchnykh statey [The science of criminal law and perfection of criminal legislation: Collection of scientific articles]. Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow, 2007.
4. Dolgova A.N. Prestupnost, ee organizovannost i kriminalnoe obshchestvo [Crime, its organization and the criminal society]. Rossiyskaya kriminologicheskaya assotsiatsiya [Russian Criminological Association]. Moscow, 2003.
5. Zuev S.V. Protivodeystvie organizovannoy prestupnosti v rossii i za rubezhom [Counteraction to organized crime in Russia and abroad (general theoretical and applied problems of law). Moscow. Yurlitinform Publ., 2013.
6. Kleymentov I.M. Sravnitel'naya kriminologiya [Comparative criminology]. Moscow. Norma Publ., Infra-M Publ., 2012.
7. Kriminologicheskie issledovaniya v mire [Criminological research in the world]. G.V. Dashkova (ed.). Moscow. Manuscript Publ., 1995.
8. Luneev V.V. Prestupnost XX veka: mirovye, regionalnye i rossiyskie tendentsii [Crime of the twentieth century: world, regional and Russian trends]. Moscow. Walters Kluwer Publ., 2005.
9. Nettle A. Sotsialnaya sistema i zakony, eyu upravlyayushchie [The social system and the laws that govern it]. Moscow. Librocom Publ., 2012.
10. Saidov A. Kh. Sravnitelnoe pravovedenie [Comparative jurisprudence]. Moscow, 2003.
11. Teoreticheskie osnovy preduprezhdeniya prestupnosti na sovremennom etape razvitiya rossiyskogo obshchestva [Theoretical basis of crime prevention at the present stage of development of Russian society]. R.V. Zhurbin (ed.). Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. Moscow. Prospect Publ., 2016.